

СИНЕРГИЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК НЕКЛАССИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА

Вадим Иванович Павлов,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры
теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

Сегодня юриспруденция нуждается в обновлении своего методологического аппарата, в обновлении стратегии юридического мышления. Это положение не является голословным, оно вырастает из практики социальной жизни, из актуальной картины правовой реальности. Последние 20 лет проходили под знаком радикального переосмысления тех исследовательских установок, которые были выработаны и были валидны в советском юридическом дискурсе. Разумеется, многое из наработанного в советском правоведении сохраняет актуальность и сейчас. Однако та модель мира, которая репрезентировалась в советском коллективном сознании, прекратила свое существование.

Постсовременность с каждым днем заявляет о себе все настойчивей. В правовом пространстве это выражается в галопирующих темпах роста законодательства, девальвации социальной ценности права, прежде всего, на фоне советской правовой системы, в стремительном заполнении правовой реальности ранее неизвестными видами правовой активности (в основном финансового плана), которые среднестатистический гражданин вынужден практиковать для поддержания нормальной жизнедеятельности. Усиливаются тенденции симулялизации правовой реальности, выражающейся в конструировании юридических знаков при отсутствии заданного смысла с последующим наполнением знакового поля конъюнктурными содержаниями, злоупотребления правом как сознательного смещения смыслового поля нормы в рамках исходного юридического текста и т.д. Все эти процессы, вкуче с процессами функционирования той модели современного общества, которую Ж. Бодрийяр назвал «обществом потребления», хотя одновременно повлияли на целый ряд аспектов существования общества и государственно-правового организма, наиболее радикально оказались направлены на человека – именно человек стал главной жертвой

постсовременности. Если относительно общества, государства, права в интеллектуальной истории были наработаны те или иные методологические фрагменты, то модель постсовременного человека – человека, оказавшегося в ситуации постсовременности или ситуации постмодерна, оказалась напрочь отсутствующей. Тот образ человека, который был создан в классическом антропологическом дискурсе (как указывает С.С. Хоружий, он был основан на триаде «сущность – субстанция – субъект»¹), оказался малопродуктивным для объяснения постсовременной антропологической реальности. Не в последнюю очередь это коснулось и юридического дискурса, в котором, строго говоря, место человека в праве или «правового человека» занял «субъект права» – нормативная субстанция с атрибутированными юридическими качествами и свойствами.

Во второй половине XX столетия известное на Западе интеллектуальное событие «антропологического поворота» актуализировало тему человека, человека, освобожденного от классических атрибуций. Эта тема была впервые фундаментально обозначена еще С. Кьеркегором в XIX столетии, однако именно постструктуралистская и постмодернистская мысль осуществила радикальную декомпозицию субъекта. Основной вывод, который был сделан, в частности, М. Фуко, заключался в том, что человек в классический период ошибочно рассматривался как некая сущность, «разумная машина», и, ориентируясь именно на такую установку о человеке, и отстраивались все человекомерные дискурсы. Неклассическая мысль предложила сместить познавательный акцент с сущностных образований на дискурсивные содержания, раскрывающие реальную динамику разворачивания и осуществления антропологической реальности. Для этих целей тот же М. Фуко ввел концепты «дискурс» и «диспозитив», которые сегодня все активнее используются в юридических исследованиях.

---

¹ Хоружий, С.С. Синергическая антропология как новый подход к методологии гуманитарного знания / С.С. Хоружий // Институт синергической антропологии [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#H. – Дата доступа : 11.05.2009.

Основной задачей неклассической мысли в условиях усложнения социальных отношений и всех тех процессов, которыми характеризуется постсовременное общество, стало адекватное прочтение, понимание реальности. На базе классического аппарата решение данной задачи принципиально затруднялось. В правоведении, в частности, это было обусловлено *забвением человека в праве*, что выразилось в редуцировании правового человека в предикат правоотношения либо правонарушения. В связи с этим сегодня возникли многие отраслевые проблемы (эффективности состава правонарушения, юридической ответственности, стилей правомерного поведения, правосознания и пр.), которые в рамках классической парадигмы юридического мышления не поддаются разрешению. Тот же дискурс человека в праве, который якобы имел место в классической юридической доктрине, не обращался к теме человека, а замыкался на новоевропейской проблеме прав и свобод. «Правовой человек» по-прежнему оказывался в положении субъекта, противопоставленного правовой реальности. В этой связи следует отметить, что дисциплинарное оформление юридико-антропологического знания (как это показали в своих работах А.И. Ковлер,² Р. Норбер³) произошло на базе той же новоевропейской методологии. Именно по этой причине классическая юридическая антропология не решает тех проблем, которые ставит постсовременная правовая действительность.

Неклассические антропологические проекты в праве, которые начинают разрабатываться сегодня, используют иные методологические ресурсы, имеющие своим заданием преодолеть позицию субъектной отчужденности человека по отношению к правовой реальности. Во многом это выражается в междисциплинарных исследованиях, выполненных на базе неклассической методологии (феноменологии, герменевтики, теории коммуникативного действия и др.). Однако, как отмечает В.С. Степин, неклассическая (постнеклассическая) парадигма характеризуется не только объединением в одном научном поле разноплановых срезов научного прочтения реальности, но и экспликацией связи «внут-

---

²Ковлер, А.И. Антропология права: Учебник для вузов / А.И. Ковлер. – М. : Норма, 2002. – С. 36–57.

³Норбер, Р. Юридическая антропология = Anthropologie juridique : Учеб. для вузов : [Пер. с фр.] / Норбер Рулан; Отв. ред. и авт. предисл. к рус. изд. - В. С. Нерсесянц / Р. Норбер. – М. : НОРМА, 1999. – С. 24–31.

ринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями».⁴ Это означает возможность вовлечения в исследовательское пространство и вненаучных с классической точки зрения ресурсов.

Одной из последних возможностей, которые мы представляем в настоящей публикации, является построение юридического дискурса на базе *синергической антропологии*. Школа синергической антропологии (основатель школы – Сергей Сергеевич Хоружий) представляет собой научное освоение богословского дискурса. Смысл исследований этого научного направления заключается в разработке модели неклассической антропологии на базе опыта реконструкции и научного освоения (на вырабатываемом под эти цели специальном языке) духовных практик (в частности, восточно-христианской (православной) практики исихазма) как способа конституирования человека с привлечением ресурсов современной западной философии (в частности, герменевтической концепции субъекта «позднего» М. Фуко). Синергично-антропологические исследования проводятся в рамках работы Института синергической антропологии и ряда иных научных институций.⁵

Лейтмотив или даже открытие неклассической антропологии М. Фуко (который, впрочем, не был им артикулирован) и школы синергической антропологии заключается в том, что та модель человека, которая находится в основе классической эпистемологии и принимается нами за само собой разумеющуюся, на самом деле является лишь западноевропейской вариацией видения человека как субстанционально-трансцендентального субъекта. Осуществляя научную гегемонию по всему миру, западноевропейский дискурс человека-субъекта стаб господствующим в мировой науке. С.С. Хоружий в своей последней работе показал, что процесс теоретического оформления этого образа человека происходил на Западе от Аристотеля до И. Канта⁶. Отказ работы этой модели был

---

⁴ Степин, В.С. Теоретическое знание: структура, ист. эволюция / В.С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 634.

⁵ См.: Официальный сайт Института синергической антропологии // Институт синергической антропологии [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://synergia-isa.ru>. – Дата доступа : 27.04.2010.

⁶ Хоружий, С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии / С.С. Хоружий. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. – 688 с.

констатирован провозглашением постмодернистами в XX столетии знаменитого концепта «смерть субъекта». Причем это был не просто постмодернистский эпатаж, но реальная констатация антропологической ситуации (прежде всего, на Западе).

Наряду с классическим субъектом, который рассматривался в дискурсе сущности (человек разумный, картезианское «*cogito ergo sum*»), между тем, всегда существовал и принципиально иной дискурс человека, который доминировал не в науке, а в духовных практиках. Как отмечает С.С. Хоружий, в отличие от классического антропологического дискурса в синергичной антропологии ключевыми являются два принципа: 1) энергичности и 2) предельности⁷.

Принцип энергичности означает, что дескрипция антропологической реальности должна вестись не в дискурсе сущности, а в дискурсе энергии, бытия-действия. Человек это не некая предзаданная сущность (разумный, рациональный субъект), а своего рода сплав человеческих энергий или антропологических проявлений, проявляющихся в конкретном хронотопе. При этом антропологические проявления вбирают в себя и т.н. пред- или прото-акты – такие типы проявлений, которые намечаются лишь на уровне внутренних движений, помыслов, побуждений, подразумеваний и т.п., которые во многом формируют контекстуальные среды поведенческих актов. Такие типы проявлений как раз во многом и характеризуют не эссенциальную, а дискурсивную картину правовой реальности.

Принцип предельности означает, что среди всего разнообразия антропологических проявлений можно выделить такие проявления (предельные антропологические проявления), которые являются определяющими, конституирующими для человека, поскольку именно в этих проявлениях формируется конституция человеческого существа, базовые структуры его личности и идентичности. В таких проявлениях «опыт человека достигает пределов, границ горизонта человеческого сознания и существования... человек неким образом со-

---

⁷ Хоружий, С.С. Синергичная антропология как новый подход к методологии гуманитарного знания / С.С. Хоружий // Институт синергичной антропологии [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#Н. – Дата доступа : 11.05.2009.

прикасается уже с тем, что *не находится* в этих пределах, соприкасается с *Иным себе*; и в них начинаются определенные модификации, изменения самих фундаментальных предикатов горизонта человеческого существования»⁸.

Какую возможность содержит такой неклассический антропологический подход для права и возможно ли на нем основать правовую теорию, ведь дискурс энергий и вообще субъективность, как правило, традиционно в юридическое поле не включалась? Анализируя современные юридические публикации мы приходим к выводу, что сегодня юридическая наука как раз находится в ситуации эпистемологического выбора. Во многих традиционных темах правоведения сегодня осуществляется их неклассическое переосмысление. Так, например, в теории правосознания центральными понятиями неклассической теории правосознания являются такие, как духовно-культурное правосознание, правовая духовность, эйдос правосознания, правовое чувствование (*Р.С. Байниязов*), религиозное правосознание (*В.Н. Синюков, Ю.А. Дружкина*), правоментальные проявления (аттитюды, представления, образы), архитектурные структуры правовой ментальности (*А.Ю. Мордовцев*), правовой дух, духовно-психологический инвариант права (*Г.Д. Грищенко*), духовный опыт правосознания, правоверие как духовный инвариант правосознания (*А.А. Чупрова*) и т.д. Эти и подобные тенденции указывают на активное освоение в настоящее время неклассических подходов к праву. Вместе с тем, представляется, что формирование полноценной неклассической юридической эпистемы является делом будущего.

Полагаем, *программа формирования* неклассического (неэссенциального) юридического дискурса, основанного на синергийно-антропологической платформе, должна включать следующие этапы:

1. Адекватное формулирование неклассического юридического дискурса как, прежде всего, юрико-антропологического (на базе синергийной антропологии), заключающееся в представлении его по отношению к классической

---

⁸ Там же.

юридической речи в качестве *эквивалентного*. По крайней мере, в связи с этим в исследовательском правовом поле необходимо выделить:

а) *антропологически зависимые области правовой реальности* (правовое поведение, правонарушение, юридическая ответственность, правовое сознание, правовая культура, правопонимание, правотворчество и др.), для которых более валидным был бы неэссенциальный дискурс (где необходимым элементом анализа является модель «человека в праве»), и

б) *инструментально-правовые (или технико-правовые) области* (механизм государства, структура государственного органа, юридическая техника, иные технико-обеспечительные процедуры правотворчества, правореализации, юридической ответственности и др.), для которых более продуктивным является эссенциальный дискурс (где достаточно руководствоваться классической моделью субъекта права).

2. Продвигаясь в дальнейшем по ландшафту первой, антропологически зависимой области правовой реальности, следующая задача заключается в *переводе* классической картины фрагментов выделенной правовой реальности на уровень ее энергийно-правового осмысления как определяющей по отношению к дополнительной в этом случае, эссенциальной или формально-юридической речи. В частности, одной из актуальных тем сегодня в этом смысле является проблема переосмысления нормативности. Последняя в рамках традиционной трактовки понимается на основании предположения наличия жестко структурированной нормы (гипотеза – диспозиция – санкция) с присущим ей постоянно наличествующим смыслом (т.н. «волей законодателя»), который лишь извлекается толкователем-правоприменителем. В неэссенциальной парадигме, исходящей из энергийно-правового образа правоприменителя, акцент делается на осмыслении нормы не как некой жесткой структуры, а как юридического знака, призванного транслировать смысл, однако, который раскрывается через акт экзистенциально-ситуативного понимания правоприменителем и жизненной ситуации, и самого знака посредством наделения их определенным значением. Иными словами, в конкретной коммуникативной ситуации именно пра-

воприменитель – т.е. человек в праве осуществляет право, и использование здесь модели редуцированного субъекта, тем более в условиях органической оценочной природы права, не является адекватным.

3. Третья задача заключается в теоретическом описании встречи энергично понимаемой правовой реальности уже не с субъектом права, а с человеком в праве. Факт формирования этого человека (прежде всего, правоприменителя) жизненными практиками, формирующими стратегию юридического мышления и, если вести речь о правоприменении, вбирающими в самом общем виде жизненный мир правоприменителя, непосредственно обращает внимание на синергично-антропологический опыт конституирования человека вообще и в юридических практиках в частности.

В связи со сказанной задачей максимум является полное описание правовой реальности в двух выделенных выше областях опыта (по отношению к антропологическому фактору в праве) и представление правовой системы не только с позиции ее элементного строения, но и с позиции ее энергично-правового и эссенциального содержания соответственно, при этом, учитывая современные тенденции в праве, первичность значимости первого содержания перед вторым подлежать сомнению не должна.